

дентное, поисками нового смыслового синтеза. В этом плане знаменитый методологический анархизм П. Фейерабенда (anything goes) является прямым аналогом квалификации постмодерна в духе Э. Уорхола.

Постмодерн является ярким маркером того, что человек исчерпал возможности на данном уровне. Кризис, затронувший все сферы человеческой деятельности, аналогичен упомянутым в начале эволюционным трендам. Зерно полностью сгнивает в земле, прежде чем дать новый росток, гусеница замирает в куколке перед рождением бабочки, животные и человек страдают при рождении новой жизни. Мы не можем описать будущую ступень развития. Единственное, что мы можем сделать, это — учесть действующие тренды и определить свойства следующей ступени, которая родится в результате кризиса.

В этом плане можно однозначно утверждать, что следующая ступень будет связана с увеличением плотности коммуникаций. Это взаимная зависимость от действий в глобальных масштабах каждого человека от действий любого другого. Предположительно должна развиваться концепция PR как public responsibility. Человечество должно побеспокоиться о том, в каком окружении завтра будут наши дети.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Герасимов С.В. Разум и вера: постсекулярность и после // *Философские науки*. 2013. № 12. С. 96.

² Историко-философский ежегодник. 1988. — М.: Наука, 1988. С. 322.

³ Хоружий С.С. Аналитика размыкания человека как методология диагностики антропологических трендов // *Человек.RU*. № 6 (2010). Новосибирск, 2011. С. 29 — 36.

⁴ Тульчинский Г.Л. Современность: имманентность и поиски трансценденции // *Философские науки*. 2013. № 5. С. 55.

⁵ Смирнов С.А. Фармацевтика антропологических трендов // *Человек.RU*. № 7 (2011). Новосибирск. 2012. С. 31.

⁶ Сулимов В.А. Состояние переходности: «технологический поворот» или утрата смыслов // *Философские науки*. 2013. № 3.

⁷ Тульчинский Г.Л. Современная культура, деструкция или развитие? // *Философские науки*. 2008. № 10. С. 37 — 38.

⁸ Тульчинский Г.Л. Total Branding: мифодизайн постинформационного общества. Бренды и их роль в современном бизнесе и культуре. — СПб.: СПбГУ, 2013. С. 94.

⁹ Левада центр. Отчет 2013 года // URL : <http://www.levada.ru/>

О КАКОМ ЧЕЛОВЕКЕ ИДЕТ РЕЧЬ И О КАКОМ ЧЕЛОВЕКЕ СТОИТ ГОВОРИТЬ?

Г.Л. ТУЛЬЧИНСКИЙ

Если я правильно понял С.А. Смирнова, речь идет о рамках осмысления человека в определенных цивилизационных условиях. То, что личностью является не всякий биологический индивид, — очевидно. Личностью (вменяемым субъектом) человек может стать (пройдя путь социализации и индивидуализации), может утратить это качество

на короткое время (аффект, болезнь) или до конца земного существования (заключительные стадии синдрома Альцгеймера, болезни Паркинсона и т.п.). Более того, можно говорить о ее правовых, нравственных и психологических границах. О психологических границах личности можно говорить с первых проявлений сознания, о нравственных — по мере формирования способности к ответственному поведению. Наиболее узкие границы — правовые. Причем, в различных социумах, в силу различных природных и культурно-исторических обстоятельств, границы личности также специфичны. Так, в Индии, Британии и России право на распоряжение собственным телом (например, вступление в брак), имуществом, оружием, даже потреблением (например, покупка алкоголя) признается только с определенного (и различного) возраста.

Я это к тому, что личность, сознание — эпифеномен культуры. И хотя все мы разные — в силу разной наследственности, места рождения, условий социализации, жизненной траектории, пережитых испытаний, успехов и неудач — культурные условия меняются, и иногда — радикально. Именно эту смену культурального, а точнее — цивилизационного формата и диагностирует С.А. Смирнов. В его своеобразном манифесте есть моменты, представляющиеся важными.

Мир миров... Да — акцент в философии и гуманитаристике в целом очередной раз меняется на глазах. Большую часть истории человеческой мысли философию интересовало сущее как таковое, «объективная реальность». С этой онтологической установкой связано и возникновение, развитие науки. По мере ее развития, с формированием рационализма Просвещения вызревал преобразовательный активизм — на совершенствование сущего (мира, общества, человека) на основе познанных «законов развития». Этот активизм «фаустовой культуры» к концу XX столетия пережил кризис в связи с экологическими проблемами, крахом проекта «реального социализма», кризисом самого научного познания. Однако развитие технологий, особенно информационно-коммуникационных, биологических, достижения медицины дали импульс новому вектору — овозможивания, потенцирования бытия, жизни в возможности. Дело не только в виртуальных технологиях. В этот тренд укладываются также и такие социальные практики, как кредит (жизнь на возможные доходы) и страховка (от возможных проблем). Смена модальности постижения мира с сущего на должное и затем — возможное, похоже, именно тот тренд, о котором пишет С.А.Смирнов.

Более того, достижения биотехнологий, хирургии, трансплантологии, фармакологии, искусственного интеллекта и т.д. открыли перспективы «постчеловечности», «постчеловеческой персонологии», как минимум — «постантропоморфности»... Личность как странник... Как точка сборки свободы и ответственности, точнее — ответственности, и, как следствие — свободы.

Проблема «прыжка» как перманентная лиминальность, переход, «пере» (Лехциер) при сохранении вменяемости — вызов не только психологической целостности («шизоанализ»), но и современному праву, и,

тем более — морали. Современный проектно-сетевой социум порождает весьма непростые правовые и нравственные ситуации.

Проблема поиска нового трансцендентного опыта — ключевая проблема нынешней постсекулярности. Человек — конечное (в пространстве и времени) существо. В этом качестве ему не дано постижение всей полноты разнообразия мира. Он (как конечное существо) всегда делает это с какой-то позиции, какой-то точки зрения, в каком-то смысле. А для осмысления нужен выход в некий out, контекст, некую «точку вненаходимости» (М. Бахтин). Смысл слова — из фразы, смысл фразы — из текста, смысл текста — из контекста. Для формулировки смысла жизни нужно выйти за рамки конкретной жизни, конкретного жизненного опыта. И, как сказал однажды один нигерийский католический священник, — «Absolute Out is God».

Современное информационное общество массового потребления — имманентно и самодостаточно. В нем не только реализуются, но стимулируются практически любые потребности. Ценности структурируются уже не иерархически вертикально, а, будучи приведены к общему знаменателю маркетизации, превратились в рубрикаторы рынка массового потребления. Это ценностно плоский мир, что помимо проблемы ценностного релятивизма, порождает проблему поиска «контекста», возможности в трансцендировании в иное. Само по себе общество массового потребления, в силу своей имманентности, заменяет этот опыт «трансцендированием» в другого: накопление разнообразия происходит за счет сиквелов, приквелов, пародий, перепевов и прочих «остранений» прошлого и наличного опыта. Это общество лишено образа будущего. Даже место научной фантастики заняло фэнтези с его средневековой стилистикой. Похоже, оно уже боится будущего — настолько оно самодостаточно.

Именно запрос на опыт трансцендирования — главный нерв постсекулярности. Дело не в том, что «религия возвращается», а в том, что поиск такого опыта настолько активен, что включает туда практически весь имеющийся арсенал таких практик: религия — одна из наиболее известных и доступных таких практик.

И С.А. Смирнов, опять-таки, точно диагностирует проблему «оживления опыта границы», поиска новых аттракторов, которые он называет «ориентирами», «онтологическими рэперами» в построении новых миров.

Трактовка С.А. Смирновым телесности как «антропоидного картоида», «сидящего на мне моего собственного навигатора», «не отчужденного от меня самого дневника самонаблюдений и личностной навигации» в процессе онтологического перехода, хотя и несколько перегружена метафорами, но улавливает главную особенность современной персонологии. Личность во все большей степени предстает как проект, когда ее традиционные способы расовой, этнической, клановой, национальной, гражданской, даже ролевой идентификации выступают только средствами такого проекта. Д.А. Пригов удачно назвал этот феномен «самоидентизманством». Кто и когда выступает гарантом этой проектной идентифи-

кации? Или личность уже в довольно массовом масштабе добирается до сердцевины идентичности самосознания — «человека без свойств»? Это вопрос не только новой антропологии и персонологии, но и конкретной социально-культурной практики — вплоть до морали и права.

Он пугает записных моралистов, видящих в этом не вызов, а угрозу устойчивому миру социально нормируемых сущностей. Но отвечать на этот вызов приходится на всех уровнях проявления социальной жизни: от личного и семейного опыта — до экономики и политики. Не хочется упрощать вопрос до «либо-либо» — это чревато. С одной стороны, — неконструктивным алармизмом, и, как следствие, призывом то ли полицейского, то ли врача к тем, кто «скачет по мирам». А с другой — не менее неоднозначным формулировкам типа «если Бога и черта нет, то все позволено» и «тварь ли я дрожащая, или право имею». До сих пор философия с трудом, но искала и находила ответы на вызовы все усложняющегося мира. Пессимизм И.П. Смирнова аргументирован, но не убеждает.

ЧЕЛОВЕК КАК ПРАКТИКУЮЩИЙ МЕТАФИЗИК

И.П. СМРНОВ

Нельзя не согласиться с тем, что в наши дни возрастает нужда в философской антропологии. Но вряд ли наша попытка понять себя откроет нам новые перспективы, т.е. повторит усилия, предпринимавшиеся в 1930 — 1940-х гг., когда Арнольд Гелен изобразил человека способным отказаться от ближайших целей ради долгосрочного планирования, а Хельмут Плессер (вместе с рядом других мыслителей) увидел его незавершенным, вечно ищущим свою роль, ориентированным футурологически. Скорее, новая антропология займется подведением итогов той деятельности, которой человек посвятил себя. Имя ей — социокultura.

Надстроенная над естественной средой, социокultura представляет собой Другое бытия, его удвоение и отрыв от него. Она метафизична в точном значении слова, инобытийна практически — без домислов о некоей сверхчувственной реальности. Точнее сказать, фантазии такого рода суть проекции социокультуры вовне, следствие ее посягательства на вселенскую власть.

В своей метафизичности социокultura служит достаточным основанием для различения бытия — базисом мышления о сущем как о том, что оно есть в-себе и для-нас. В каких бы терминах ни концептуализовалось бытие, оно открывается лишь тем, кто находится за его краем. Человек не заброшен в бытие неведь откуда, как полагали экзистенциалисты, не ничтожен, как аттестовал его Паскаль, а само-